

Первенец каскада

Заметки писателя

Когда говорят о Зее, невольно употребляются эпитеты, которыми хотят подчеркнуть особенности человека со сложным характером. Она, Зея, во-первых красавица. Родная. При всем при том коварная, своенравная, ласковая, бурная, беспощадная... Всякая. Настроение ее зависит не столько от времени года, сколько от того, что делается в ее верховьях. Стоит летняя ясная погода. Жара, почти засуха. На полях не хватает влаги. А Зея вдруг начинает дурить. Гидрометеослужба бьет тревогу. Ожидается паводок. В верховьях от большого тепла затаяли горные снега и мерзлые мари. Да еще с Охотского побережья подвалили тучи и, застряв у Станового и других хребтов, исходят теперь ливневыми дождями. Иногда паводок поднимается до пяти, шести и даже восьми метров выше обычного, среднего уровня реки. Где-то уже затопило несколько деревень, сорвало и разбило плоты, исчезли под водой островные тальники, повалило телеграфные столбы, нарушилась связь. И, пока не поздно, прибрежные колхозы выводят с лугов скот, машины, технику. Трактора брошены на вывозку заготовленного сена в места незатопляемые — на бугры и релки. Но бывает, что и отсюда вода их как языком слизывает.

Кто видел Зею во всей красе и мощи ее разливов, тот надолго запомнит грандиозное и жуткое зрелище буйства и разрушений. Несутся жерди и доски, собачьи будки и пчелиные ульи, крыши сараев с остатками сена, целые избы и бани, иногда с петухом или кошкой на коньке, разбитые плоты, вывороченные деревья, коряги, корыта, лодки, всякий мусор и хворост. Порой плывут целые острова. Где-то подняло и смыло торфяники, плавучие берега, поверхности марей, оказавшиеся легче воды. И вот их несет вместе со всей флорой и мелкой фауной.

Организации, заготовливающие древесину, сначала запрещают кому попало ловить плывущий лес, надеются справиться сами. Потом разрешают ловить его колхозам по льготным ценам. Потом вообще замолкают — пусть ловят все, кто может. Не пропадать же добру.

После спада воды широко окрест бывает, как в доме, где отгремело самое разнузданное пиршество. Все валяется не там, где было, все перевернуто, смято, разрушено. На лугах и полях появились промоины и песчаные наносы, гниют мусор и заиленные травы, пахнет обнаженным озерным дном. Кое-где можно встретить трупы погибших животных.

Постепенно вода входит в берега, ил и пески парят и высыхают, запечатлев бесчисленные следы бегающей, летающей и ползающей живности. И вот та же самая река тихо плещется у берегов, млеет на солнышке, манит окунуться в ласковые, прогретые до дна воды. Там и тут тянутся мелкопесчаные косы с блестками слюды — белесые, золотистые, розоватые. Тихо, мирно, жарко. Будто и всегда так было.

Эвенкийское название реки, означающее лезвие, мало подходит к нижнему течению Зеи. Слишком уж тут широка она, много разливов и протоков. Зато очень точно выражает суть реки в верхнем ее течении, выше города Зеи. Действительно, как лезвием разрезает она здесь многочисленные отроги предгорий Станового, Такурингры, Сактахана и других хребтов. Сразу же у города Зеи чувствуешь бешеный норев реки. На обширной косе валяются громадные валуны — отшлифованные обломки скал, издали похожие на лежбище моржей. Валуны в большинстве своем темного цвета — какая-то очень крепкая горная порода. Иначе их давно бы раздробило.

Чем выше, тем стремительней течение, больше перекаатов. Впрочем и ниже их немало. Владимирский, Варнак, Чертова мельница, Шипка, Плевна, Поперечный, Желтояровский, Чертов огород... Если в нижнем течении скорость до 1,2 метра в секунду, то в верховьях достигает она шести метров! Вся длина Зеи — более тысячи двухсот километров. Площадь водосбора — около двухсот сорока тысяч квадратных километров, то есть площадь, равная двум третям всей Амурской области (заметим, что площадь некоторых западноевропейских государств значительно меньше). Средний расход воды при устье — почти две тысячи кубометров в секунду. Годовой сток — пятьдесят семь кубических километров. Летний расход превышает зимний в 230 раз.

Такова краткая характеристика реки, в среднем течении которой, чуть выше города Зеи, строится первая на Дальнем Востоке мощная гидроэлектростанция — Зейская. Створ гидроузла находится в двух километрах выше города Зеи и в 659 километрах от Благовещенска. Проектная мощность ГЭС — около полутора миллионов киловатт.

Как и всякому большому строительству, здесь предшествовали длительные, большие изыскательные работы. В апреле 1964 года непосредственно в «Зейских воротах», то есть в горловине, образованной отрогами Такурингры и Сактахана, загремели первые взрывы. Тихий, старинный деревянный городок Зея, живший безмятежно и размеренно, встрепенулся, удивленно открыл глаза, прислушался. Началось. У самых «Ворот» в местечке со странным названием «Фаланга» стали обосновываться первые службы гидростроителей.

И прежде много было разговоров, но еще неясно было — строиться Зейской ГЭС или нет. Еще раньше по хребтам, от самого русла реки и до вершин, прошли геологи с буровыми станками, прощупали на должную глубину здешние горные недра. Были пробиты разведывательные штольни в глубь гор. Уже было чему удивляться. На громадную высоту, по очень крутым скальным склонам, на руках, лебедками, тракторами тащили рабочие буровые станки, двигатели, передвижные электростанции. В русле реки на морозе в полсотню градусов, где днем и ночью, как в трубе, воет ветер, постоянно работали гидрологи и те же геологи. Исследовали харак-

Великий пролетарский писатель А. М. Горький никогда не был на Дальнем Востоке. Но он все время пристально следил за событиями, происходящими на далекой окраине страны.

Хорошо известна оценка пролетарским писателем роли русского народа в освоении дальневосточных земель. «Он (русский народ) в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев, — писал Алексей Максимович, — открывал новые места на свой счет и за свой страх».

А. М. Горький выступил инициатором создания книги воспоминаний о борьбе за власть Советов в Приамурье и Приморье. «Таежные походы» — так называется этот сборник — вышел под редакцией А. М. Горького. Сохранились документальные свидетельства того, как Алексей Максимович внимательно следил за подготовкой статей и очерков для книги. Он сам лично организовывал и редактировал материалы для «Таежных походов». Многие статьи Горький, как опытный редактор, правил, добивался улучшения их языка и стиля. С отдельными авторами он вел подробнейшую переписку, советовал им, как лучше доработать материал.

тер реки и дно ее, почти на стометровую глубину. И вот наконец-то официально объявлено о строительстве. Организуется управление «Зеягэсстрой».

В «Воротах» продолжали греметь взрывы, а через городок и в обход его, по воде подходила техника. Экскаваторы, бульдозеры, краны, компрессорные установки, скреперы, мощные самосвалы. По воде, на баржах, были доставлены два энергопоезда — явление для этих мест уникальное. Надо было срубить специальную пристань и проложить рельсы, выполнить очень сложную техническую задачу перегрузки тяжеловесных агрегатов с воды на сушу. (Позже, тоже по воде, удалось доставить и выгрузить девятистотонный трансформатор для понизительной подстанции).

Близ станции Тыгда на железной дороге началось строительство крупной перевалочной базы «Зеягэсстроя». (Сейчас это уже целый городок, который со временем расширится вдвое или больше). Шоссе, связывающее Тыгду с Зеей, явно не отвечало требованиям тех коммуникаций, на которые обычно опирается большая стройка. Шоссе расширили, спрямили, усовершенствовали профиль, через реку Уркан, где прежде была паромная переправа, построили отличный железобетонный мост. Местный аэропорт, располагавшийся близ местечка Фаланга и живописно окруженный березами и соснами, пришлось перенести на другое место. Сейчас в Зею регулярно ходят самолеты «ИЛ-14» и со дня на день ожидаются реактивные самолеты «ЯК-40».

Так, в частности, он оказал помощь в подготовке материала для этой книги В. К. Блюхеру.

Не меньше, чем борьба за власть Советов, интересовала Горького и тема социалистических преобразований на Дальнем Востоке. Будучи редактором журнала «Наши достижения», Горький очень интересовался, как идет восстановление и развитие народного хозяйства на Дальнем Востоке. Он неоднократно обращался с просьбой к местным литераторам, чтобы они чаще писали о достижениях Советской власти на окраине страны. Так, в 1929 году Горький просит у Арсеньева «одну или две, три статьи по вопросам культурной и промышленной жизни Дальнего Востока для журнала «Наши достижения».

«Не возьмете ли вы на себя, — пишет он Арсеньеву, — труд создать сборник по достижениям Уссурийского края и организовать еще два-три сборника по областям Дальнего Востока? Я усердно просил бы Вас принять участие в этой работе».

А. М. Горький просит Арсеньева привлечь к пропаганде Приморья и Приамурья и других авторов. В июне 1929 года он пишет ему: «Может

Город Зея за последнее время сильно изменился. Лет десять назад мне довелось прожить в нем полгода. В ту пору не было там ни одного кирпичного здания. Тихий, уютный, деревянный, даже несколько патриархальный, он еще сохранял черты бывшей таежно-приисковой резиденции. Многие старые, рубленные из звонкой, как металл, лиственницы дома и до сих пор стоят прежними порядками вдоль берега. Им уже много лет, они помнят времена Зейской пристани, возникшей еще в 1879 году. Эта пристань тогда была центром Верхне-Амурской золотопромышленной компании. Спустя четверть века она превратилась в городок, а в марте 1906 года пристань официально была наречена городом. Город Зея.

Если разговориться со старожилами, они расскажут истории убийств, грабежей, насилия, интриг, козней, небывалого приискательского фарта, кутежей, каторжных работ и другого, чем «дирижировал» его величество благородный металл — золото. Помнит город Зея японские карательные экспедиции и сопровождавший их комфорт, удивлявший таежный народ, — персональные грелки, саке, публичный дом с японками. Помнит Зея китайских хунхузов, проникавших с целью грабежа золота в самые отдаленные таежные углы. Уже после революции, во время переправы через реку Уркан, один из отрядов хунхузов, ограбивших прииск, был истреблен чекистами.

Позже приисковый быт и весь его колорит перенесены

быть, есть среди Ваших знакомых люди, которые помогли бы Вам дать Госиздату ряд статей, освещающих всю жизнь Дальнего Востока? Тогда ГИЗ выпустил бы сборник «Дальний Восток»....»

Великий пролетарский писатель живо интересовался литературной жизнью нашего края. Он горячо поддержал первые книги Арсеньева, Борисова, Фадеева. Всем известен великолепный отзыв Горького на книгу Арсеньева «Дерсу Узала».

Горький хорошо чувствовал биение трудового ритма некогда отсталого края. П. Павленко в своих воспоминаниях поражался его осведомленностью о тех изменениях, которые произошли в крае за годы Советской власти на Дальнем Востоке.

А. М. Горький мечтал побывать в Сибири и на Дальнем Востоке. Он восхищался героическими делами рабочего класса Дальнего Востока. Когда рабочие Хабаровска обратились к нему с просьбой разрешить присвоить одному из рабочих поселков имя Горького, Алексей Максимович прислал им теплое письмо. «Дорогие товарищи! — писал он. — Горячо благодарю вас за хорошее дружеское ваше письмо и за торжественное

были непосредственно на прииски, и город Зея постепенно превратился в поселение заштатное, тихое. Здесь базировались потом различные экспедиции с их службами, леспромхоз, лесозавод и другие незначительные предприятия. Впрочем, каждому, кто приезжал сюда, хотя бы ненадолго, город запоминался, как нечто своеобразное, очень самобытное. Город нравился. Нравился лесным своим характером. Прочные смолистые дома из сосны и лиственницы, громадные поленницы дров в каждом дворе (топят здесь в основном дровами). Ровные песчаные улицы, обсаженные тополями. В парках много шиповника, встречаются елки, сосенки, бузина, черемуха. Вряд ли где-нибудь увидишь еще такой парк, как в Зее. Собственно, это уголок нетронутой тайги шириной в полкилометра и с километр длиной, раскинувшийся прямо на берегу. Тридцатиметровые стройные лиственницы, сосны, березы. Песчаные дорожки, аллеи, павильоны, танцплощадка, стадион. Летом тут растут грибы и ягоды. Зимой — это излюбленное место лыжников — снег здесь так глубок и ровен.

За парком знаменитый зейский пляж — обширная галечная коса с громадными черными валунами, на которых можно загорать, лежа, как на диване, а при случае и устроить пышное застолье.

Но самой отличительной чертой города до последнего времени было его население. Народ местный, отборный, крепко пустивший корни, живущий, как говорят, с открытой душой,

О ПРИАМУРЬЕ

А. М. ГОРЬКИЙ

ваше обещание начать решительную борьбу против некультурности в производстве и быту. Разумеется, я твердо уверен, что если вы обещаете, значит вы сделаете за очень редким исключением. И так бывает всегда на всех стройках, заводах, фабриках».

Пожелания и советы Горького, содержащиеся в письме, горячо восприняли хабаровчане. Их самоотверженный труд в героические тридцатые годы увенчался немалыми успехами. В городе был построен ряд крупных машиностроительных предприятий, в том числе и в поселке, который носит имя Горького. Сейчас здесь на центральной площади возвышается памятник великому писателю.

почти наизусть знающий друг друга, доверчивый, гостеприимный. Словом, таежный, близкий природе и сам сохраняющий немалый запас первородства.

Когда началось строительство ГЭС, в городе появилось довольно разношерстное «воинство», даже милиции хлопот прибавилось. Но постепенно и тут произошел своеобразный отбор. Остались наиболее надежные, хотя «перелет» и теперь продолжается.

После моего первого знакомства с городом Зеей я побывал в нем, когда уже разворачивалась стройка. Сходил на Фалангу. В «Зейских воротах» было еще тихо. На речной лед из горы, как из норы, было нагребено: то пробивали разведывательную штольню. Кое-где на склонах гор зияли не то шурфы, не то воронки. В городе уже чувствовались изрядные перемены. Он стал многолюдней, оживленней. Уже что-то типично городское и современное проступало в его чертах. Но поскольку коренное население все же преобладало, в общем-то характер города оставался прежним.

И вот я снова направляюсь в Зею. Летит «ИЛ-14». Внизу полупрозрачная зимняя тайга, горные хребты, витиеватые извивы рек и речушек, похожих на бесконечные белые ленты. Тайга, от того, что в ней больше всего лиственничного, голого по-зимнему леса, кажется темно-бурой с черными пятнами. Это острова и куртины сосняков. По берегам щетинятся тальник и ольховник.

Самолет заходит со стороны реки и приземляется на новом аэродроме. Это обширное плато, где совсем недавно стоял лес. По краям еще видны завалы — следы корчевки.

Со мной летела группа артистов Амурской филармонии. Им предстояло выступить перед гидростроителями с концертом в честь укладки первого кубометра бетона. Нас приняли специально посланные автобусы, и вот мы на стройке. Теперь каждому свое. Меня интересует прежде всего котлован, и я поспешно направляюсь в сторону «Зейских ворот».

То и дело обгоняют грохочущие самосвалы. Это их трасса, и бегать они не стесняются, только успевай отскакивать. Глазею по сторонам. Догадываюсь о наличии мощных ремонтных мастерских. Вон гаражи-стоянки для строительной техники. Вон похожее на крупный завод бетонообогащительное хозяйство. Из газет я знаю о нем. Еще и еще какие-то производственные корпуса. Домостроительный завод, база участка «Гидроспецстрой», база участка «Гидромонтаж», бетонный завод, лесоцех, центральная котельная, электроцех,

сантехнические мастерские, компрессорная, база ОРСа, база конторы материально-технического снабжения со складами и площадками. Позже я видел главную понизительную подстанцию и подстанцию № 2, восьмикилометровый коллектор очистных сооружений первой очереди, фундамент строящейся телевещательной станции «Орбита».

Построены также замечательный клуб «Ровесник», детский комбинат, детские ясли, двухэтажная контора управления, три столовые, пять магазинов, средняя школа, учебный комбинат-техникум для гидростроителей, восемь холостяцких и три семейных общежития. Новые дома, где живут гидростроители, я не считал. Достаточно сказать, что сейчас на строительстве работает более трех с половиной тысяч человек и все обеспечены жильем. С первых же дней на стройке был девиз: «Ни одной палатки!» То есть в первую очередь необходимо создать нормальные бытовые условия, ибо голый энтузиазм и голая романтика иногда обходятся очень дорого — люди теряют здоровье, работоспособность, то есть то, что ни за какие деньги не купишь.

На пригорке, за бывшим аэропортом возвышается с десяток пятиэтажных многоквартирных домов. В пяти или шести из них уже живут, остальные — в стадии отделки и оборудования.

Сооружаются спортивный комплекс с закрытым плавательным бассейном, гостиница, хлебозавод, еще одно более крупное здание ремонтных мастерских, теплая стоянка для строительных машин и механизмов. Будут еще две школы — одна на 650 мест, вторая — на 1230, еще один детский комбинат, новое здание дирекции и многое другое.

Чем ближе к «Зейским воротам», тем сильнее ветер. Тут своеобразная аэродинамическая труба. Вверху долина значительно шире. У самых ворот она сильно сужается — до 700—800 метров, здесь идет сплошное русло — никаких берегов, сразу крутые горные склоны. Ниже, где стоит город, долина опять сильно расширяется. Сама природа создала горловину, через которую с севера рвутся пронизывающие ветры. Даже в сравнительно теплую зимнюю пору здесь одеваться надо потеплее.

Иду боком, подняв воротник и надвинув шапку. Останавливается попутный «газик», и какой-то добрый человек зовет в машину. Тут, говорит он, пешком много не походишь. Самая тяга.

Проезжая «тягу», успел заметить толстые трубы, тянув-

шиеся вдоль дороги и взобравшиеся потом на самую гору. Это от компрессорной подается сжатый воздух в места, где идет выемка грунта.

Машина сначала полого, а потом все круче стала опускаться под гору, то есть в котлован. Остановилась она на самом дне его. В котловане ветра почти не было, ибо шел он выше, над краями этого своеобразного полукратера. Мощная насыпь высотой около двадцати метров начинается от береговой скалы, доходит до половины русла, поворачивает вдоль реки и, пройдя так метров двести с лишком, погибает к тому же берегу. Внутри этой излучины и находится собственно котлован. Уже откачана вода, вынута много грунта, и дно котлована теперь ниже дна реки, оттесненной к левобережью. Дно котлована — обнаженная, сухая серо-зеленоватая скала, которую бурят и потихоньку взрывают, чтобы подготовить место для укладки бетона. У верхней и нижней перемычек, огораживающих котлован, расположены мощные насосы, которые по мере надобности откачивают воду. В котловане было совсем сухо, но после одного из взрывов открылась «линза» с водой. Сейчас по дну к нижним насосам пробирается ручей, от которого вздымается пар, а бережки сильно заиндевели, как будто он и всегда тек вот так. Насосы и отводные трубы утеплены, да и то место, где завтра начнется укладка бетона, сейчас находится как бы внутри помещения — над ним сооружен специальный тепляк из деревянных щитов.

Я уже слышал, что укладка бетона будет вестись пока секционно. Секции эти напоминают что-то вроде «быков», на которых держатся перекрытия крупных мостов, только расположены они не в одну линию, а как бы в шахматном порядке. Бетон требуется наивысшего качества, и созреть и схватиться он должен при плюсовой температуре. Поэтому и потребовались тепляки.

За минувшие пять лет строительства, которые можно считать подготовительным периодом, в различные сооружения уже уложено более 84 тысяч кубометров бетона. А всего в тело плотины будет уложено около двух с половиной миллионов кубометров гидротехнического бетона.

Будущая плотина Зейской ГЭС во многих отношениях — уникальное сооружение. Одна из особенностей ее заключается непосредственно в укладке бетона. Высота плотины — 117 метров, ширина — более семисот. Оба крыла плотины врезаются в горные скалы. По своему типу она — бетонная

массивная, контрфорсная. Подобное сооружение в столь суровых климатических условиях возводится впервые в мире. Правда, в Швеции есть плотина аналогичного типа, но высота ее всего 45 метров — почти втрое ниже. Ну, а климат тамошний, конечно, не идет ни в какое сравнение с нашим. Там он умеренный, безморозный, а у нас зимой бывает 45—50 градусов ниже нуля, летом же жара достигает 35 градусов. У нас потребуются специальная служба для обеспечения необходимого температурного режима, большое количество приборов и автоматов. В морозы бетон придется подогреть, в жару — охладить.

Плотине предстоит сдерживать напор целого моря, которое разольется на триста километров на север и северо-восток. Общий объем водохранилища — около семидесяти кубических километров, то есть в нем свободно может уместиться весь годовой сток зейской воды. Полезный объем примерно вдвое меньше. Площадь зеркала моря — 2420 квадратных километров. Резервный объем водохранилища для борьбы с паводками — более шестнадцати кубических километров.

Ниже плотины у левого берега будет сооружено само здание ГЭС с восемью агрегатами. По последним расчетам, два агрегата будут обладать мощностью 210 тысяч киловатт каждый, остальные — 175 тысяч.

Следует, однако, заметить, что на протяжении пяти минувших лет строительства многие проекты и расчеты не один раз пересматривались и «утраивались». Сначала решено было возвести насыпную плотину, а машинный зал вырубить в горной скале, то есть под горой. Потом решили строить бетонную плотину (массивную, контрфорсную), с открытым приплотинным зданием. Изменилась и сметная стоимость гидроузла. Еще год назад она равнялась 421 127 000 рублям. По последним подсчетам, в связи с изменениями цен на машины, запчасти и повышением зарплаты строителям, стоимость гидроузла возросла до семисот миллионов рублей. И, возможно, это еще не окончательный вариант.

Но для чего же строится ГЭС, для чего уже затрачены десятки миллионов рублей и будет затрачено еще шестьсот—семьсот миллионов? Что даст Зейская ГЭС? Много. Очень много. Собственно, в значительной степени изменится не только лицо области, но и всего Дальнего Востока. Будут ликвидированы наводнения в долине Зеи и на Среднем Амуре. Известно, что Средний Амур страдает от наводнений не

меньше, чем Зейская долина, ибо тут свои разрушительные набеги Амур совершает не в одиночку, а вкуче с водами бушующей Зеи. Электроснабжение Амурской области возрастет в несколько раз, часть энергии будет передана Хабаровскому краю. Улучшится судоходство в нижнем бьефе и будет создан глубоководный путь протяженностью в триста километров выше плотины, что в свою очередь позволит освоить богатейшие лесные массивы. Их пока нельзя использовать из-за отсутствия транспортных подходов и вследствие низкой сплавопропускной способности реки в этих местах. Когда сток зейской воды будет зарегулирован водохранилищем, колхозы и совхозы Амурской области и Среднего Амура будут иметь возможность использовать еще около полумиллиона гектаров прекрасной пойменной земли. И если мы сейчас называем Приамурье житницей Дальнего Востока, то после постройки электростанции это название будет еще более оправданным. Ведь для Дальнего Востока, где удобных для землепользования площадей не так уж много, еще полмиллиона гектаров имеют очень и очень большое значение. Знакомые агрономы говорили мне, что сейчас ради плана картофеля приходится разбрасывать по всей области. Растит-то он растет повсеместно, да вот уборку механизировать не везде удастся. На тяжелых глинистых землях не идут картофелеуборочные комбайны. Отлично они работают лишь на пойменных, легких супесчаных землях. То есть речь идет как раз о тех площадях, которые можно будет использовать после зарегулирования стока зейских вод. Возможно тогда некоторые хозяйства Амурской области будут специализироваться на картофеле. Значительно расширятся и посевы сои.

Ущерб, причиняемый наводнениями, нередко составлял несколько миллионов рублей. И если учесть, что наводнения будут ликвидированы полностью и навсегда, что доходы от сельскохозяйственного производства сильно возрастут и за счет более полного использования старых пойменных земель и особенно за счет освоения новых, что затраты по инженерной защите городов снизятся примерно на 12 миллионов рублей, то станет понятно, какой эффект даст Зейский гидроузел только от зарегулирования стока вод.

Но главный экономический эффект, разумеется, будет получен от зейской электроэнергии. Себестоимость ее будет едва ли не самой дешевой в стране, и строительство гидроузла окупится очень скоро.

Завтра здесь, в котловане первой очереди, будет митинг. А пока тут не очень-то илюдно, почти пусто. Основные подготовительные работы по укладке бетона идут где-то за пределами котлована.

По крутому откосу перемычки взбираюсь наверх. Отсюда ясно видно, что лед в русле Зеи выше, чем дно котлована. Река пока течет мирно — там, подо льдом. Высота ряжей, на которых я стою, наверно, будет с пятиэтажный дом. В сторону котлована — проезжая часть, крутой откос из камня, щебенки, песка. В сторону реки — отвесная деревянная стена. Это, собственно, и есть ряжевая перемычка, которая идет как раз посередине реки. А в голове ее что-то вроде бастиона — головной ряж. Он укреплен особенно. И перемычка тут шире, и мощный отводок в сторону русла, и железобетонные плиты у основания. Все это — так называемый оголовок. От правого берега до головного ряжа идет наполовину рубленая, наполовину насыпная перемычка. По ней и по такой же нижней перемычке самосвалы возили грунт и засыпали ряжи. Теперь все это — пологая дуга, огораживающая котлован.

Котлован первой очереди — это, по существу, то, ради чего сооружено столько подсобного! В том числе и сданных в эксплуатацию 34 845 квадратных метров жилплощади. Главное все-таки здесь. Вынуто и перевезено около десяти миллионов кубометров грунта и скальных пород. В ряжевую перемычку уложено 24 тысячи кубометров деревянного бруса. Откачана вода, углублено русло, подготовлен полигон для первого бетона. Инженеры говорят: «Вошли в русло». Через год планируется закончить укладку бетона до необходимой отметки, чтобы можно было взорвать перемычки выше и ниже котлована и пропустить Зею уже в бетонные ворота, то есть через котлован первой очереди. После этого начнется отсыпка перемычек от левого берега до этих самых ряжей, которые стоят посередине реки и которые останутся нетронутыми после взрыва перемычек выше и ниже. Начнется сооружение котлована второй очереди.

Сейчас место стройки выглядит как-то еще неоформлено. Котлован, перемычки, ряжи. На дне котлована экскаватор, бурильные станки, автокраны, тепляки, трубы. Правая сторона «Зейских ворот», то есть горная скала, зияет выемками, бороздами, обнажениями. Вверх по склону серпантинном вре-

зается дорога, вырублены какие-то площадки. На половине горы стоит экскаватор, еще ниже прилепилась будка. Там на фоне обрушенной скалы мечутся сполохи электросварки. Люди кажутся игрушечными. Глубокая борозда, а может врезавшаяся в склон дорога и есть та отметка, куда поднимется стена плотины, то есть на высоту 117 метров — высоту сорокаэтажного небоскреба. Такая же отметка есть и на левом склоне горы. Там тоже побывали и бульдозеры, и экскаваторы.

А в русле Зеи по-прежнему возвышается небольшая буровая вышка. Тут по-прежнему бурят, щупают, исследуют воду. С высоты ряжей люди на льду, как и на горе, кажутся слишком маленькими. Даже не верится, что это они тут наворочали такое. На льду тоже есть будочка. Из трубы ее валит дымок, под прямым углом сгибаемый ветром.

Специалисты говорят, что зейское дно в этом месте хотя и очень крепкое — базальтовая скала, — но сильно щелеватое. А напор воды будет очень велик, и потому решено укрепить скалу на очень большую глубину, то есть пробурить в определенном порядке скважины и под высоким давлением закачать в них бетон. Щели заполнятся, скала превратится в монолит, воде будет поставлен заслон. Очень трудоемкая и дорогая это работа. И не только вверх поднимется стена плотины, но как бы и вниз опустится — примерно на глубину 70 метров.

Тело плотины будет не сплошным монолитом. Внутри него будут проходить своеобразные коридоры, галереи, отсеки. В них установят всевозможные приборы и автоматы, следящие за плотинной. Будут и такие автоматы, которые станут «докладывать» обстановку в глубине скалы, под плотинной, куда закачают бетон. Зейская вода — довольно вредная даже для бетона наивысшего качества. И время от времени, может через десятки лет, придется подкачивать бетон, то есть обновлять.

А пока на очереди укладка первого бетона, котлован второй очереди, размещение двух с половиной миллионов кубометров гидротехнического бетона. Вот какая предстоит работа, после того как вошли в русло с одной стороны! С другой стороны — река, лед, нетронутость.

Вон из-за отрога показалась какая-то черная точка. Она движется вниз по реке. С высоты ряжей ее хорошо видно. Проходит несколько минут, точка превращается в возок сена, потом в воз. Тихо, мирно, как всегда, наверно, въезжает

в «Зейские ворота» воз сена. Видна заиндевелая лошадка, дышащая паром, мужичок в полушубке, перехваченном опояской, две собачки, сопровождающие хозяина по обеим сторонам дороги. Все это тоже сильно уменьшено высотой и расстоянием.

Вот так. Пока что и на лошадках тут ездят, сено и дровишки возят и охотники проходят. А потом... Потом будет гигантская стена и море. Это по его дну сейчас движется возок сена.

13 января 1970 года, в середине дня, в котловане состоялся митинг. Задолго до открытия его из города шли и ехали люди. Конечно, они не ожидали увидеть нечто необычное, ведь им все тут известно, на их глазах разворачивались почти все этапы стройки. И все-таки... Пусть это символический бетон, пусть всего лишь отметка на длинном пути строительства. Пусть. Но такие события случаются не так уж часто. «Вошли в русло». Посуху вошли.

Дно котлована и его перемычки на некоторое время превратились как бы в трибуны большого стадиона. В центре стояла «Колхида» с длинным прицепным кузовом, борта которого были обтянуты кумачом. Кузов этот и представлял собой импровизированную вместительную трибуну митинга. Невдалеке от трибуны на изготовке стоял экскаватор с длинной стрелой, под которой лежали две прицепные бадьи — тувельки для бетона.

Съехалось много машин всякого рода. Люди тоже были разные. Молодые и пожилые, школьники и старцы. Были даже граждане дошкольного возраста. Всем посмотреть надо.

После митинга народу словно еще прибавилось, ибо теперь-то и начиналось самое главное.

Через радиодинамики подается команда: «Приступить!» Руководить «ритуалом» поручено главному инженеру строительства В. В. Конько — человеку, весьма уважаемому на стройке, участнику строительства Асуанской плотины в Египте. Непосредственное исполнение работы предоставлено бригаде И. И. Евсеева. Сам Евсеев второй раз удостоен этой чести: доводилось ему укладывать первый кубометр бетона и на Братской ГЭС.

Самосвалы с кузовами, укрытыми брезентовыми пологами, привезли бетон. Наполняются бадьи, снимается верхний щит тепляка, и бетон идет. Гремит туш, в небо летят осветительные ракеты, взрывается «Ура!»

Вот и все. А дальше уже обычная работа. Спешат самосвалы, подвозящие бетон, наполняются бадьи, опускаются новые и новые тонны гидротехнического бетона в основание плотины. Теперь работы будут вестись круглые сутки много дней, пока не заполнится вся секция. Бетон должен быть теплым и укладываться тоже должен при плюсовой температуре. А в «Зейских воротах» стужа и ветер...

В эти дни газеты и радио сообщали и о первом бетоне и о знатных людях стройки. Их много — очень много прекрасных строителей. Просто невозможно всех упомянуть и выделить кого-то особенно, потому что усилия всех, а не отдельных людей привели к тому, что вот уже вошли в русло и уложили первый бетон.

В клубе «Ровесник» был концерт в честь гидростроителей, данный моими попутчиками по самолету — артистами Амурской филармонии.

Клуб гидростроителей, бывалый, интересный народ, большая прослойка интеллигенции — все это очень сильно сказалось на культурном уровне местного населения. Это влияние, разумеется, не измеришь ни процентами, ни тоннами. Это надо почувствовать, посмотрев теперешний город Зею и его горожан. Много на стройке специалистов из великого города Ленина. Все, кто побывал в Ленинграде, с уважением вспоминают прежде всего ленинградцев. Зейцы тоже очень ценят ленинградцев, принесших на эти берега очень многое.

Словом, зейские гидростроители не просто приехали усмирить Зею и зажечь потом электрический свет. Они уже сейчас зажигают свет в сердцах и душах здешних людей. Иные из них строят уже не первую ГЭС. Много кочевали, много видели и как бы аккумулялировали все лучшее. Теперь они щедро делятся всем этим здесь, на берегах Зеи.